

2. Vartumyan A.A. Sotsialnyy kapital sovremennoy Rossii kak osnova ustoychivogo sotsialnogo i politicheskogo poriadka. *Rossiya kak imperiya: proet contra (o perspektivakh realizatsii Imperskogo proekta v sovremennoy Rossii)* : mat-ly Mezhdunar. konf. (26–29 maya 2014 g.). Magas, 2014.
3. Gadzhiev K.S. *Vvedenie v politicheskuyu nauku*. M., 1997.
4. Gadzhiev K.S. *Geopolitika Kavkaza*. M., 2003.
5. Dzhanyayty S.Kh. *Tri slezy boga*. Vladikavkaz: SO-IGSI. 2007, 157 p.
6. Druzhinin A.G. *Yug Rossii kontsa XX – nachala XXI v. (ekonomiko-geograficheskie aspekty)*. Rostov n/D., 2005.
7. Karabushchenko P.L. Reyting i antireyting elit: imitatsiya i falsifikatsiya elitnosti v elitakh. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. 2013, no. 4 (37), pp. 215–224.
8. Karabushchenko P.L. Problema effektivnosti vlasti sovremennoy rossiyskoy politiko-administrativnoy elity. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. 2014, no. 1 (38), pp. 170–183.
9. Karabushchenko P.L. Natsionalnaya ideya sovremennoy Rossii: strana, derzhava, imperiya. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. 2014, no. 2 (39), pp. 151–157.
10. Makarov D.V. *Ofitsialnyy i neofitsialnyy islam v Dagestane*. M., 2000.
11. Palchev A.N. *Konfliktogennyy potentsial natsionalno-territorialnogo ustroystva Severnogo Kavkaza*. Rezhim dostupa: <http://ruskav.ru/12/kavkaz08/824.php>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
12. Rozin M.D. Sovremennyy Severnyy Kavkaz mezhdru sistemnym krizisom i inertsionnym razvitiem. *Zhurnal Inzhenernyy vestnik Dona*. 2012, no. 2.
13. Sampiev I.M. Istoricheskie paralleli islamskoy politiki Rossii na Severnom Kavkaze. *Zhurnal Kavkaz i globalizatsiya*. 2008, vol. 2, no. 3.
14. Shabrov O. Vostok i ego tonkosti. *NG – Politika*. 2009, 3 noyabrya.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ В СНГ

Яковлев Максим Владимирович, кандидат политических наук, докторант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27
E-mail: maxvuz@mail.ru

В статье анализируются четыре теоретические модели демократии, созданные исследователями в странах СНГ в современных условиях: «управляемая», «суверенная», «зрительская» и «традиционно-коллективистская», выявляются их сходства и отличия. Делается вывод о том, что все они имеют общую основу в виде традиционных ценностей сильной центральной власти и управляемого политического участия граждан с приоритетом экономического развития над гражданскими правами и свободами. Поэтому данные модели в действительности нацелены не на установление подлинного народовластия, а на оправдание и поддержание действующих политических режимов. Существенная схожесть этих концептов демократии (пусть и некорректных), сформированных в разных странах независимо друг от друга, позволяет предположить возможность создания единой модели успешного установления и поддержания демократии в странах СНГ, которые имеют общие историю и элементы культуры.

Ключевые слова: государство, демократия, демократизация, демократический процесс, модель демократии, политическая система, политический режим, политика, посттоталитаризм

ACTUAL THEORETICAL MODELS OF DEMOCRACY IN CIS

Yakovlev Maxim V., Ph.D. (Political) science, doctorant

Moscow State University. M. V. Lomonosov
27 Lomonosovsky prospect, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: maxvuz@mail.ru

The four theoretical models of democracy which are created by researchers of CIS-countries analyzed in the article: “controlled”, “sovereign”, “spectator” and “traditional collectivist”, also are identified their similarities and differences. Concludes that all of them have a common framework in the form of the traditional values of a strong central government and managed political participation of citizens with economic development priority over civil rights and liberties. Therefore, these models are aimed at to justify and maintain the existing political regimes, but not at the establishment of genuine democracy. The essential similarity of these concepts of democracy (albeit incorrect) formed in different countries, independently of each other suggests the possibility of creating a single model for successful establishment and maintenance of democracy in the CIS countries, which share a common history and cultural elements.

Keywords: democracy, democratization, democratic process, model of democracy, policy, political system, political regime, post-totalitarianism, state

Вопрос о формировании адекватного институционального дизайна, при помощи которого наиболее эффективно реализуются демократические ценности, – вопрос о корректной форме демократии для тех или иных сообществ – стал ключевым для посттоталитарных государств и

особенно для стран СНГ как бывшего ядра советского блока. В нескольких из них (Киргизия, Молдавия, Украина) удалось с тем или иным успехом инсталлировать демократические модели западного образца. В других (Россия и Казахстан, которые относятся к консолидированным авторитарным режимам [23, с. 46]) ведется работа по созданию особых моделей народовластия, учитывающих культуру и социально-политическую практику конкретных обществ. Эта работа по созданию своеобразных демократических концептов, которые содержат исходные цивилизационные коды, представляет значительный интерес. Поэтому в данной статье анализируются теоретические модели демократии, сформированные в странах СНГ, с целью выявления их ключевых особенностей и сравнения между собой.

Под моделью демократии, вслед за Дэвидом Хелдом, понимается «теоретическая конструкция, предназначенная представлять и объяснять главные элементы формы демократии и предполагаемую ею структуру взаимоотношений» [19, с. 23].

В России дискуссия относительно особенностей модели демократии вышла на новый уровень в 2000 г. с приходом к власти Владимира Путина. В послании Федеральному собранию президент довольно много внимания уделил концепту народовластия и обозначил контуры модели, которую позднее назовут «управляемой демократией».

Здесь необходимо отметить, что данный термин имеет три значения: 1) порядок, поддерживаемый политическим классом, который действует в интересах общего блага данного государства; 2) режим, установленный и сохраняемый силами извне; 3) система, имитирующая народовластие в интересах правящего класса. Первая интерпретация, напомним, восходит к воззрениям Платона об идеальном государстве, где группа мудрых правителей руководствуется только государственными интересами и выступает попечителями (защитниками и помощниками) интересов рядовых граждан. Второе толкование возникло в современную эпоху и связано с геополитической деятельностью стран Запада во главе с США по созданию подконтрольных политических систем демократического типа. Третий аспект понятия обозначает демократический порядок как фасад, под прикрытием которого осуществляется авторитарное правление.

В упомянутом президентском послании, надо полагать, предлагалась модель «управляемой демократия» в первом значении (при условии того, что это не было частью плана по установлению «имитационной» демократии). Анализ документа позволяет выделить следующие ее ключевые особенности: сильная государственная власть; формальное разделение властей; концентрация власти в государственных исполнительных органах; персонификация государственной политической власти в лице президента; попечительство президента как выразителя общественных интересов [13, с. 42, 52, 57].

На тот момент главными условиями для реализации такой модели были: материально-техническая база, унаследованная от СССР, сырьевая экономика, относительно многочисленные социальные субсидии (финансируемые растущими нефтедолларовыми доходами государства), крайне низкая гражданская активность.

Задачи осуществления модели, как следует из президентского послания (согласно заданным приоритетам), – это достижение национального единства, понимаемого, как единодушие, рост общественного благосостояния, соблюдение прав человека, развитие партийной системы, расширение свобод для СМИ.

Тот, кто знаком с демократической теорией, сразу заметит, что первый пункт данного списка – это не задача народовластия, а одна из демократических процедур (принцип большинства). Поэтому в данном случае целесообразно говорить не о достижении национального единства, а о принятии стратегической программы общественного, экономического, государственного развития на основе принципа большинства (что, кстати, укрепит национальное единство). Второй пункт – достижение общественного благосостояния – на первый взгляд вполне укладывается в более общий теоретический контекст и согласуется с концепцией, описывающей корреляцию между уровнями демократического и экономического развития. Однако при более тщательном рассмотрении установка на рост доходов выглядит как популистское заявление – ведь демократия не призвана решать экономические проблемы, она лишь обеспечивает условия для реализации гражданских свобод, в том числе свободы предпринимательской деятельности и т.п. Кроме того, как показывают исследования Кристиана Вельцеля и Рональда Инглхарта [5, с. 31] (а также Карлса Бойкса, Сьюзан Стоукс, Тату Ванханена, Сеймура Липсета, Адама Пшеворски и др.), установление и/или укрепление народовластия является следствием социально-экономического развития, а не наоборот. Остальные три задачи, действительно, напрямую связаны с расширением народовластия, но при этом они занимают последние места в списке приоритетов.

Для обоснования «управляемой демократии» использовались два основных аргумента. Во-первых, посттоталитарный (переходный) характер общества и государства. Во-вторых (как следствие первого), неподготовленность граждан к политическому самоуправлению. Так, один из главных кремлевских идеологов Глеб Павловский, указывая на специфику российского подхода к демократии (правда, не конкретизируя и не раскрывая его значение), считал, что «управляемая демократия» – это большее благо для российского общества и государства, чем безвластие времен Бориса Ельцина. По его мнению, власть вынуждена применять технологии «управляемости» по причине недоразвитости постсоветского гражданского общества. Таковое, по Глебу Павловскому, – это либо экстремистские группировки, либо правозащитники, которые настроены на конфликт, а не на сотрудничество с властью [10].

В действительности, Павловский лишь очередной раз повторил суждение Платона, приведенное выше, в котором говорится о неспособности демоса к самоуправлению и необходимости наделения властными полномочиями некоторой группы мудрецов, которые бескорыстно будут защищать и продвигать интересы «неграмотной толпы», содействуя росту ее благосостояния. Однако в современных условиях с учетом всех неудачных попыток реализации разных версий концепции идеального государства (вплоть до коммунистического проекта в СССР) высказывание о том, что некая властная группа будет управлять обществом исключительно в его интересах, пренебрегая собственными потребностями, выглядит, по меньшей мере, необоснованно.

Итак, в целом модель «управляемой демократии» (в первом значении) можно определить как демократическую систему, в которой процедуры осуществления народовластия корректируются правящим политическим классом во главе с лидером на основании (единоличного) толкования им демократических принципов. Однако именно ставка на попечительское государственное управление, осуществляемое, фактически, единолично президентом, претендующим на исключительное знание о том, как реализовать общее благо, стала самым слабым звеном модели «управляемой демократии» и привела к неудаче ее практической реализации (как модели демократии, а не ее имитации). Одним из первых это заметил бывший главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков. Он выступил с критикой кремлевской «управляемой демократии». Таковую он определил как «авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического, слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства» [18].

Таким образом, Третьяков указал, что на практике модель «управляемой демократии» из первого значения трансформировалась (случайно или намеренно) в третий свой тип – систему, имитирующую народовластие в интересах правящего класса.

Вообще, исторический и сравнительный виды анализа, показывают, что «управляемая демократия» имеет сходство с моделью «направляемой демократии» Сукарно, задававшей вектор политического развития Индонезии в 1957–1965-е гг. [3; 6, с. 221]. Однако в отличие «управляемой демократии» индонезийский властный порядок имел две важные особенности. Во-первых, Сукарно управлял совместно с двумя мощными самостоятельными акторами: Коммунистической партией Индонезии (крупнейшей компартией вне советского блока) и Сухопутными Войсками (которые были основной силой, завоевавшей независимость страны). Во-вторых, для обеспечения общественной консолидации и политического партнерства была сформулирована и реализована концепция «функциональных групп», согласно которой все граждане входили в то или иное сообщество, играющее определенную роль (выполняющее некоторую функцию) в индонезийском социуме (например, группа материального развития состояла из крестьян, рабочих, предпринимателей и т.д.).

Таким образом, индонезийская модель «направляемой демократии» содержала в себе вполне работоспособный механизм реализации своих задач. Она была близка к концепции плюралистической демократии с ее нацеленностью на согласование групповых интересов, достижение консенсуса среди большого количества коллективных акторов (групп), защиту требований и прав меньшинств.

Итак, модель «управляемой демократии» на практике была реализована как «имитационная демократия» в Армении, Казахстане, России, а также отчасти в Киргизии (до 2010 г.) и Украине (до 2005 г.). К 2005 г. реальную политику первых трех стран многие характеризовали как типично авторитарную. В этой связи американский ученый и политический деятель Майкл Макфол заявил, что «термин «управляемая демократия» для обозначения нынешней политической системы в России уже выглядит слишком мягким» [7]. Григорий Явлинский был более жесток в оценке: «Демократия кончилась, управление осталось» [12].

В свою очередь, Григорий Голосов склонялся к более умеренной позиции и считал, что «содержание понятия «управляемая демократия» вполне может быть объяснено терминами одной из фундаментальных теоретических оппозиций, зафиксированной Робертом Далем как противоречие между двумя принципами руководства – попечительством и олиархией [4, с. 7].

Начиная с 2005 г. политический класс ряда стран СНГ предпринимает попытки отгородиться от ярлыка авторитаризма и декларирует необходимость демократических преобразований и приоритет демократии как формы правления с учетом национальной специфики. Более того, мобилизуются бюрократические и интеллектуальные ресурсы для формирования особой модели демократии. Так, Владимир Путин высказал идею, которая на несколько лет задала вектор официальному политологическому дискурсу: «Россия... сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии» [13, с. 281]. Главным идеологом особой демократической модели России стал Владислав Сурков, чьи взгляды до недавнего времени определяли российскую внутреннюю политику. Именно он обосновывал модель «суверенной демократии» на выступлении перед парламентом «Единой России» в феврале 2006 г.

Стоит напомнить, что понятие «суверенная демократия» было введено в оборот западными политиками несколько ранее. Так, в 2004 г. Романо Проди назвал Европейский Союз «федерацией суверенных демократий». Вице-президент США Дик Чейни в 2006 г. сказал на конференции в Вильнюсе, что провидит на постсоветском пространстве «сообщество суверенных демократий» [14, с. 3]. Очевидно, что и каждый из этих политиков вкладывал свой смысл в это словосочетание. Проди отметил, что несмотря на объединяющую роль ЕС, каждая из его стран-членов остается суверенной. Чейни указывал на независимость Прибалтики от России.

По мнению Суркова, «допустимо определить суверенную демократию как прообраз политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими» [16, с. 102].

Примечательно, что важное место в данной модели заняла идеология. Обосновывая ее значение, Сурков указывает, что «как ни парадоксально, демократическое общество... куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идеологию» [15, с. 46]. Однако в политической теории и практике единая и всеохватная идеология – это один из главных отличительных признаков тоталитаризма, в то время как демократическое общество плюралистично в идеологическом измерении.

Еще одним заметным элементом концепта «суверенной демократии» стала тема борьбы с бедностью: «Если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то, конечно, наше общество не сможет быть устойчиво» [15, с. 46].

Сама постановка вопроса, при которой во главу угла ставится не масштабная модернизация отсталых политической, социальной, экономической, финансовой, технико-технологической систем Российского государства как способ повышения общественного благосостояния, а всего лишь борьба с одним из частных проявлений общего экономико-технического упадка («бедности») обнажает истинный подтекст. Другими словами, риторика «борьбы с бедностью» скорее позволяет достичь сугубо прагматической цели по привлечению политических сторонников в ближнесрочной перспективе, нежели способствовать экономическому развитию для установления демократии в долгосрочной динамике.

Анализ выступлений Суркова, президента России и его сторонников, позволяет выделить следующие ключевые особенности модели «суверенной демократии»: политическая самостоятельность при принятии решений внутри государства; независимость политической системы от внешних акторов; централизация государственной власти; персонификация государственной власти; идеологизация политической жизни.

Целью и задачами реализации данной модели на практике были объявлены «устойчивое развитие государства, экономическое процветание, политическая стабильность, высокая культура, доступ к рычагам влияния на мировую политику, возможность формирования совместно с другими свободными нациями справедливый миропорядок» [14, с. 58].

Одним из главных обоснований модели «суверенной демократии» стало положение о специфике российской политической культуры, которая, по мнению Суркова, имеет три ключевые особенности: «Во-первых, стремление к целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов» [14, с. 58]. Объясняя особенности Российского общества, идеолог Кремля справедливо указал на целостность как ценность российской культуры. Однако он рассматривает ее не как аспект соборности, а скорее как советский коллективизм, что под-

тверждает и пассаж о «централизации властных функций». Далее Сурков говорит о персонализации политических институтов. Действительно, таковая хотя и не издревле (славянские племена не персонифицировали власть), но издавна свойственна россиянам. Это явление распространилось в связи с возвышением княжеской власти, утвердилось в период самодержавия, органично вписавшись в православие, получило развитие в советскую эпоху (Владимир Ленин, Иосиф Сталин как олицетворение КПСС и всей власти). Однако необходимо отметить, что при демократическом процессе необходимо следовать строгим процедурам в рамках демократических институтов, а не подчиняться личностям, даже авторитетным.

В целом, по моему мнению, сурковская характеристика политической культуры – это фиксация социокультурных искажений, появившихся как в результате масштабных социальных экспериментов КПСС, так и вследствие действий политических лидеров современной России.

Эксперты по-разному оценили модель «суверенной демократии». Вячеслав Никонов дал право существование «суверенной демократии» наравне с консociативной, плебисcитарной, полиархической и предположил, что Сурков имеет в виду создание «демократического государства, сохраняющего независимость во внешних и главенство во внутренних делах» [14, с. 320].

Леонид Поляков нашел позитив в конструкте «суверенной демократии» для России в трех аспектах. Во-первых, идентификация государства как «суверенной демократии» раз и навсегда закрывает вопрос о «множественности» суверенитетов в федеративном государстве. Во-вторых, понятие «суверенная демократия» выполняет важнейшую реабилитационную функцию, возвращая в контекст общественной дискуссии очевидно дискредитированный, но важный термин «демократия». В-третьих, выделяется проблема инструментальности – ведущая партия страны провозглашает стратегию качественного обновления страны как «суверенной демократии», что становится для нее едва ли не решающим аргументом в борьбе за электорат [11, с. 67–68].

Действительно, модель «суверенной демократии» можно оценивать в нескольких аспектах. Во-первых, как идеологический маневр – попытку сгладить порожденные авторитаризмом противоречия: пренебрежение демократическими декларациями вполне удобно объяснить национальными особенностями и враждебностью внешней среды. Кроме того, так возможно легитимизировать применение силы в политике суверена. Во-вторых, очевидно, создатели концепта «суверенной демократии» не совсем понимали теорию демократии, механизм которой направлен не на суверенизацию (по крайней мере, это не его главная цель), а на обеспечение политического участия граждан. В-третьих, факт формирования этой модели продемонстрировал, что действующий режим всерьез обеспокоен проблемой демократии в России (или тем, как ее установить, или тем, как ее не допустить). Дискуссия о «суверенной демократии» мобилизовала общественность, стала поводом для исследования существующих моделей народовластия, сподвигла граждан к политической дискуссии. Последний аспект очень важен.

Вместе с тем, действительно, концепции демократии с прилагательными часто служат оправданием для недемократических действий государственной власти, а также оправдывают отсутствие гражданских свобод. Однако подобные политико-пропагандистские уловки довольно быстро распознаются: «Суверенная демократия» – термин, придуманный Кремлем, который призван донести два сообщения: первое, что текущий политический режим в России является демократией, и второе, что это утверждение должно быть принято на веру, и точка. Любая попытка проверки будет рассматриваться как недружелюбное вмешательство во внутренние дела России» [22].

В 2008 г. свой вклад в демократическую теорию решили внести сотрудники Института общественного проектирования, которые предложили модель «зрительской» демократии, где само народовластие отодвигается на второй план. Базой и обоснованием для нее служит идея о том, что во всем мире «демократия становится "зрительской", аудиторной. Роль масс-медиа становится преобладающей, политик – медийной фигурой, ... а гражданин и избиратель – аудиторией, у которой надо заслужить рейтинг... "Правление" народа сменяется "правлением для народа" – и при этом в формах, все более далеких от контроля, осуществляемого выборным процессом» [9].

По мнению создателей данной модели, «демократизация политической системы России в ближайшее время не может стать приоритетом. Приоритет сейчас в эффективности управления» [9].

Интересно отметить, что в рассматриваемой модели используются механизмы прямой демократии: «Источник разработки стратегии развития страны выносится за пределы парламента и исполнительной власти именно в институты гражданского общества. «Длительные» стратегии развития может создавать лишь народ-суверен в рамках «бесвременных» (при сколь

угодно частой ротации кадров) институтов гражданского общества, поскольку именно он, как субъект, заинтересован в создании такого плана развития государства, чтобы при любых потрясениях в будущем ему гарантированно удалось бы сохранить свое существование» [9].

Таким образом, основные особенности модели «зрительской» демократии следующие: персонифицированность государственной власти, управление демократическим развитием со стороны правящего класса, формальное разделение властей с доминированием исполнительных органов во главе с лидером, прямо выражающим волю народа, СМИ как инструмент государственной пропаганды и агитации, наличие многочисленных общественных организаций – посредников между демосом и правительством, которые артикулируют интересы общественности.

Касательно целей и задач модели «зрительской» демократии авторы указывают, они должны «состоять в способности политической системы к уменьшению социальной несправедливости, к созданию действенных рычагов для отмены ошибочных политических решений, минимизации злоупотребления властью, культивированию политических партий... и, следовательно, самой возможности выбора, в широком распространении свободы и доверия к воле народа» [9].

Среди условий реализации модели «зрительской» демократии можно выделить масштабную административную и экономическую модернизацию, а также активизацию среднего класса.

Представляется, что при обосновании «зрительской» модели авторы не совсем верно интерпретировали данные, касающиеся современной политической ситуации в развитых демократических странах, на практику которых они ссылаются. Дело в том, что они рассуждают в парадигме «элитарной» демократии, которая была создана Йозефом Шумпетером и др. еще в 1940 гг. В сущности, они ее и обосновывают, только под своим названием. Однако с тех пор многое изменилось. Например, западные страны вступили в постиндустриальную фазу развития со свойственной ей спецификой политического участия. Если в индустриальную эпоху (времена Шумпетера) в политике действительно доминировали элиты, и контролируемые ими громадные политические машины (массовые партии, движения и др. организации), то при постиндустриализме их роль уменьшается в связи с возрастанием протестных настроений, недоверием к большому бюрократическому и иерархическому организациям (политическим партиям). На первый взгляд эту ситуацию можно рассматривать как упадок демократии, как это делает Роберт Патнэм [24]. Однако на смену старым приходят новые формы политического участия (бойкоты, подписание петиций, пикеты, демонстрации), в которых действуют все большее число граждан. Кроме того, увеличивается и число антиправительственных политических акций. Этот тезис убедительно подтверждается исследованием Вельцеля и Инглхарт [5, с. 173].

В сущности, модель «зрительской» демократии, как и две другие, охарактеризованные выше, стала лишь защитой действующего политического режима, и вряд ли может претендовать на самостоятельную подлинно демократическую модель, обусловленную историей и культурой России.

В Казахстане, как и России, ученые и политики обсуждают особую модель демократии, в которой воплощаются не только принципы народовластия, но и казахская специфика. С 2006 по 2007 гг. здесь работала Государственная комиссия по разработке и конкретизации программы демократических реформ, специалисты которой изучали зарубежный опыт политической модернизации. Основным итогом деятельности стал проект «Основные направления политического реформирования в Республике Казахстан на 2007–2008 гг.», который был обсужден и утвержден в ходе общенационального обсуждения.

Один из сторонников особого пути демократического развития А.С. Балгимбаев отмечает, что «в Казахстане формируется модель демократии, которая опирается на традиционные ценности. К их числу относятся высокое чувство коллективизма, верность общественному долгу, готовность прийти на помощь. Опорами демократического процесса могут служить также уважение к историческому опыту, стремление к компромиссу, толерантность» [2]. Данную модель условно можно назвать «традиционно-коллективистской». Это высказывание, сделанное в рамках неоконсервативного подхода, выражает стремление автора при помощи демократии сохранить традиции, а также роль семьи и религии в меняющихся условиях.

Большинство казахских ученых согласны с необходимостью учета местной специфики, однако, ряд исследователей обосновывают выбор т.н. «азиатской модели» демократии. Например, А. Аязбеков пишет: «К каждому обществу должна быть применена та модель демократии, которая наиболее подходит ему в плане культуры, традиций, уровня развития, этническому и религиозному составу» [1]. Исследователь приводит в качестве примера реализации «азиатской» модели такие государства, как Индонезия, Малайзия и особенно Сингапур периода правления Ли Куан Ю.

Действительно, в этих странах авторитарные режимы обеспечили экономический рост и научно-технический прогресс, что впоследствии позволило установить в них основы демократии и сделать их «частично свободными государствами» по версии Freedom House [23, с. 46]. Так же и в Казахстане в условиях сильной президентской власти наблюдается значительный экономический рост. Кроме того, общества этих стран, как и Казахстана, состоят из больших групп, различающихся по этническому и религиозному признаку. Эти факторы делают «азиатскую» модель вполне приемлемой для казахского общества.

Ключевыми особенностями «азиатской» модели являются: концентрация политико-государственной власти в руках президента, приоритет общества над индивидом и приоритет государства над обществом.

Основные условия ее реализации – это гетерогенность социума, политическая стабильность, обеспечиваемая сильной центральной властью, масштабная экономическая модернизация.

Итак, в статье рассмотрены четыре основные модели демократии, которые созданы в странах СНГ: «управляемая», «суверенная», «зрительская» и «традиционно-коллективистская». Несмотря на некоторые различия, они имеют общую основу, а именно: акцент на сильном президентском правлении, приоритет экономического развития над правами и свободами граждан, управляемое политическое участие демоса, а собственно демократические принципы и механизмы их осуществления либо подробно не описаны, либо отодвинуты на второй план. Исходя из этого, можно сделать два основных вывода. Во-первых, данные теоретические конструкты представляют собой скорее не модели демократии, а стратегии поддержания действующих политических режимов за фасадом демократической риторики. Во-вторых, существенная схожесть моделей, сформированных в разных странах независимо друг от друга, позволяет предположить возможность создания единой теоретической модели демократии для стран СНГ, имеющих общую историю и культуру. И это – важное направление дальнейшего исследования демократии в посттоталитарных государствах.

Список литературы

1. Аязбеков А. «Азиатская демократия» – модель для Казахстана? / А. Аязбеков. – Режим доступа: <https://zonakz.net/articles/17277?mode=reply>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Балгимбаев А. С. Казахстанская модель демократии: становление и специфика / А. С. Балгимбаев. – Режим доступа: <http://academy.kz/en/normativnye-akty/entry/kazakhstanskaya-model-demokratii-stanovlenie-i-spetsifika>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Говоров Ю. Л. История стран Азии и Африки в Новейшее время / Ю. Л. Говоров. – Кемерово, 1997. – 247 с.
4. Голосов Г. В. Стратегические манипуляции полем политических альтернатив как механизм «управляемой демократии» / Г. В. Голосов // Режим Путина, идеи и практика. – М. : В. Секачев, 2005. – С. 7–61.
5. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
6. Лейпхарт А. Демократия в многоэтнических обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 288 с.
7. Макфол М. Проект Путина почти завершен / М. Макфол // Независимая газета. – 2003. – 8 декабря.
8. Мошелков Е. Н. История и политика: Философские истолкования / Е. Н. Мошелков. – М. : АР-ГАМАК-МЕДИА, 2013. – 328 с.
9. Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года. – Режим доступа: <http://www.inor.ru/page642/club/page483/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
10. Павловский Г. Россию легко спровоцировать на революцию / Г. Павловский // Коммерсант-Власть. – 2000. – 4 июля.
11. Поляков В. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность / В. Поляков // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 67–68.
12. При Путине демократия закончилась. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/10nov2003/grig/html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
13. Путин В. В. Избранные речи и выступления / В. В. Путин. – М.: Книжный мир, 2008. – 479 с.
14. Про суверенную демократию: сб. / Сост. Л. В. Поляков. М.: Европа, 2007. 627 с.
15. Сурков В. Основные тенденции и перспективы развития современной России / В. Сурков. – М. : СГА, 2006. – 46 с.
16. Сурков В. Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию / В. Сурков // Эксперт. – 2006. – № 43.

17. Сытин А. Г. Эволюция представлений о существовании демократии в западной политической мысли XX в. (основные тенденции) / А. Г. Сытин // Вестник Московского университета. – 2007. – № 6. – С. 10–26. – Серия 12: Политические науки.
18. Третьяков В. Диагноз: управляемая демократия / В. Третьяков // Независимая газета. – 2000. – 13 января.
19. Хелд Д. Модели демократии / Д. Хелд ; пер. с англ. М. Рудакова. – М. : Дело, 2014. – 544 с.
20. Яковлев М. В. Демократия: российский стиль / М. В. Яковлев. – Саарбрюккен : Dictus Publishing, 2013. – 117 с.
21. Яковлев М. В. Особенности современной демократии в России / М. В. Яковлев // Перспективы науки. – 2013. – № 1 (40). – С. 114–117.
22. Lipman M. Putin's «Sovereign Democracy» / M. Lipman // The Washington Post. – 2006. – 15 July.
23. Nations in transit 2014. Democratization from Central Europe to Eurasia. Rowman & Littlefield Publishers, 2014. – 686 p.
24. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R. D. Putnam. – N.Y. : Simon and Schuster, 2000. – 384 p.

References

1. Ayazbekov A. «Aziatskaya demokratiya» – model dlya Kazakhstana? Rezhim dostupa: <https://zonakz.net/articles/17277?mode=reply,svobodnyy>. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
2. Balgimbaev A.S. Kazakhstanskaya model demokratii: stanovlenie i spetsifika. Rezhim dostupa: <http://academy.kz/en/normativnye-akty/entry/kazakhstanskaya-model-demokratii-stanovlenie-i-spetsifika,svobodnyy>. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
3. Govorov Yu.L. Istoriya stran Azii i Afriki v Noveyshee vremya. Kemerovo, 1997. 247 p.
4. Golosov G.V. Strategicheskie manipulyatsii polem politicheskikh alternativ kak mekhanizm «upravlyaemoy demokratii». Rezhim Putina, idei i praktika. M.: V. Sekachev, 2005, pp. 7–61.
5. Ingkharth R., Veltsel K. Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya. M.: Novoe izdatelstvo, 2011, 464 p.
6. Leypkharth A. Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitelnoe issledovanie. M.: Aspekt Press, 1997, 288 p.
7. Makfol M. Proekt Putina pochno zavershen. Nezavisimaya gazeta. 2003, 8 dekabrya.
8. Moshchelkov Ye.N. Istoriya i politika: Filosofskie istolkovaniya. M.: ARGAMAK-MYeDIA, 2013, 328 p.
9. Otsenka sostoyaniya i perspektiv politicheskoy sistemy Rossiyskoy Federatsii v 2008 godu – nachale 2009 goda. Rezhim dostupa: <http://www.inop.ru/page642/club/page483/>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
10. Pavlovskiy G. Rossiiyu legko sprovoztirovat na revolyutsiyu. Kommersant-Vlast. 2000, 4 iyulya.
11. Polyakov V. «Suverennaya demokratiya»: politicheskiy fakt kak teoreticheskaya predmetnost. Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2007, no. 2, pp. 67–68.
12. Pri Putine demokratiya zakonchilas. Rezhim dostupa: <http://www.newsru.com/russia/10nov2003/grig/html>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
13. Putin V.V. Izbrannye rechi i vystupleniya. M.: Knizhnyy mir, 2008, 479 p.
14. Rro cuverennuyu demokratiyu: sb. ; sost. L.V. Polyakov. M.: Yevropa, 2007, 627 p.
15. Surkov V. Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya sovremennoy Rossii. M. : SGA, 2006, 46 p.
16. Surkov V. Natsionalizatsiya budushchego. Paragrafy pro suverennuyu demokratiyu. Ekspert. 2006, no. 43.
17. Sytin A.G. Evolyutsiya predstavleniy o sushchestve demokratii v zapadnoy politicheskoy mysli XX v. (osnovnye tendentsii). Vestnik Moskovskogo universiteta. 2007, no. 6, pp. 10–26. Seriya 12: Politicheskie nauki.
18. Tretyakov V. Diagnost: upravlyayemaya demokratiya. Nezavisimaya gazeta. 2000, 13 yanvarya.
19. Kheld D. Modeli demokratii; per. s angl. M. Rudakova. M. : Delo, 2014, 544 p.
20. Yakovlev M.V. Demokratiya: rossiyskiy stil. Saarbyrukken : Dictus Publishing, 2013, 117 p.
21. Yakovlev M. V. Osobennosti sovremennoy demokratii v Rossii. Perspektivy nauki. 2013, no. 1 (40), pp. 114–117.
22. Lipman M. Putin's «Sovereign Democracy». The Washington Post. 2006, 15 July.
23. Nations in transit 2014. Democratization from Central Europe to Eurasia. Rowman & Littlefield Publishers, 2014, 686 p.
24. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon and Schuster, 2000, 384 p.